

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

Д. Григорьев

Социальное и духовное
в воспитании человека

23 - 27

В. Ясницкая

Социальное воспитание: в поисках
результативности и эффективности

28 - 31

А. Алексеев, Т. Куликова

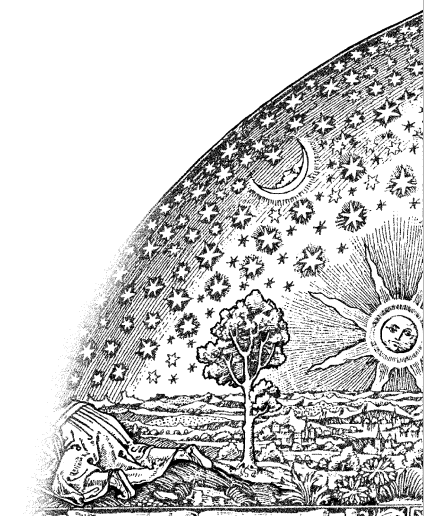
Аграрная школа: модель
воспитания рачительных
землепользователей села

32 - 41

**И. Гиниятуллина, Е. Старостина,
Н. Шубенкова**

Воспитание как основа свободы
общества

42 - 44

СОЦИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА ¹

Д. ГРИГОРЬЕВ

Встречаясь как воспитатели с ребёнком, мы вполне привыкли к тому, что он *социален*. Но с трудом привыкаем к тому, что ребёнок — непоседливый, шумный, легкомысленный, увлекающийся, смешливый, капризный и т.д. — ещё и *духовен*. Впрочем, привыкнуть к этому действительно трудно, ведь духовность всякий раз предстаёт перед нами как нечто сверхъестественное, как чудо.

Социальное и духовное образуют своеобразный крест, который несёт в себе и на себе каждая личность. Это сложное, противоречивое единство бытия-с-другими (социальной горизонтали) и бытия-с-Другим (духовной вертикали). Во все времена людям трудно удерживать нераздельность/неслиянность социального и духовного, и потому почти вся человеческая история отмечена колебаниями маятника «познающего разума» то в одну, то в другую сторону.

Ещё совсем недавно мы объясняли себя и мир исключительно через социальное. Выработанное К. Марксом представление о сущности человека как совокупности всех общественных отношений воспринималось как абсолютная истина. Сегодня, на волне моды на духовность, прежнюю истину спешат заклеить как идеологическое клише и заблуждение.

¹ Исследование поддержано РФНФ (проект № 09-06-00630а).

По этому поводу стоит заметить, что социальность у К. Маркса никогда не была бездуховной. Он выделял не только предметно-практическую деятельность, на изучении которой позднее были сосредоточены советские психология и педагогика, но и деятельность духовно-практическую. А в его ранних работах фигурирует несколько отличающаяся от хрестоматийной формула сущности человека: сущность человека *и* есть общение. Или: общение *и* есть сущность человека. Здесь ударение, по мнению М.К. Мамардашвили, стоит на союзе или слове «и» — *и есть сущность*. Потому что просто сказать, что общение есть сущность, значит, сказать, что существо человека или то, что есть в человеке, его сущность, проявляется в общении. Нет, имеется в виду несколько другое. А именно, что человеческий облик в принципе множествен, сообщающаяся множественность. И поэтому сущность человека не есть некий факт, который существовал бы сам по себе, а она есть в той мере, в какой человеческая личность поддерживает, воспроизводит и сохраняет общение.

Эта мысль К. Маркса находит своё развитие в философии диалога М. Бубера, М.М. Бахтина, в феноменологии интерсубъективности Э. Гуссерля. Присутствует она и в этической философии Э. Левинаса, который, возможно, пошёл дальше всех, утверждая презумпцию другого по отношению к «я». По его словам, сами мы себя, своего лица не видим, но нас видят другие. Если другой на меня смотрит, значит, я начинаю существовать, у меня открываются глаза, появляется слух, находится язык, на котором я говорю. Получается, что сначала дан мир, состоящий из других, и лишь затем формируются идентичности, одна из которых завоёвывает привилегированное место и манифестирует себя как «я». Социальность оказывается формирующим (не путать с порождающим) условием духовности.

И всё-таки присущее сегодня педагогике понимание социальности, пусть даже, как обнаруживается, весьма упрощённое, является несравненно менее спекулятивным, чем понимание духовности. Не считаю такую ситуацию нормальной и потому рискну высказать ряд соображений по этому вопросу, важных, на мой взгляд, для теории и практики воспитания.

Определить духовность чрезвычайно трудно, потому что это понятие относится к числу так называемых рамочных категорий, которые чем больше их пытаются определить, тем вернее ускользают от определённости. По моему мнению, одно из самых интересных *философских* (не религиозных!) определений духовности дано М. Фуко в его работе «Герменевтика субъекта». По мысли философа, духовность — это тот поиск, та практическая деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в себе преобразования, необходимые для достижения истины. В этом определении, на мой взгляд, существенна формула «преобразования, необходимые для достижения истины». В ней нет ценностной предопределённости, как в большинстве рассуждений о духовности; «необходимые» не значит «ведущие к достижению», «способствующие достижению».

В христианской антропологии духовность — присутствие в человеке Святого Духа. Бездуховность, соответственно, оставленность Святым Духом. Но этой парой «духовность — бездуховность» содержание духовного мира не исчерпывается. Богословие также говорит о духовности, имеющей иной, не божественный источник. Католический мыслитель и писатель Г.К. Честёртон выразил это

со свойственной ему парадоксальностью: дело Бога — материально и духовно, дело дьявола — только духовно. Помимо всего благого, что мы связываем с духовностью, есть ведь и духовное искушение, духовное насилие, духовное рабство, духовная немощь, духовное небытие.

Для педагогики как науки и практики понимание «тёмной» духовности крайне важно. Не всё то, что пишет на своём челе «духовность», приносит благо. Как пишет православный богослов А. Кураев, «духовное пространство — это пространство войны. Здесь легко не заметить ловушки, легко подставить себя под удар, думая, что ты попал в чьи-то ласковые объятия. Как на всякой войне, здесь есть свои раненые». Отнюдь не все духовные практики, совершаемые в школе, возвышают ребёнка как личность. Я говорю не только о практиках тоталитарных сект, оккультном знании, довольно распространённом среди называющих себя светскими педагогов, но и о радикальных формах коммунарства, в которых коллектив доминирует над личностью, и о практикуемой некоторыми новообращёнными преподавателями ретивой православной религиозности (именно религиозности, а не вере), и об отдельных ролевых играх в стиле фэнтэзи, где мир добра и мир зла равновесны и равноценны друг другу. Утверждать же в школе надо, на мой взгляд, традиционные духовные практики, к коим я отношу и научный атеизм с его многовековой историей.

Высказанная выше мысль о духовном пространстве как пространстве войны, пространстве противостояния различных духовных смыслов чрезвычайно важна для преодоления педагогического (и вообще светско-интеллигентского) мифа о том, что душевные переживания и впечатления, возвышенный строй души составляют основу духовности. Христианская антропология и педагогика (К.Д. Ушинский, В.В. Зеньковский, В.Н. Лосский и др.) здесь вполне определённы: духовное не есть просто продолжение или высшее выражение душевного, совершенство душевного. Они, конечно, связаны, но не напрямую.

Приобщать, как у нас любят говорить, к прекрасному (музеям, театрам, книгам, картинам) — ещё не воспитание духовности. Вот если вокруг этого «приобщения» мы выстроим практику понимания, рефлексии, тогда мы выходим на уровень работы с духовностью.

Ещё одна мысль. Христианская аскетическая традиция считает область телесности гораздо более надёжным путём к пониманию того, что происходит в духовной области, чем душевность. Звучит неперемённое указание на необходимость заботы о теле как «храме Духа» и постоянное предостережение от «душевной прелести». Может быть, если мы ставим задачу воспитания духовности, нам стоит обратить внимание на спорт (избегая мотивов нарциссизма и достижительности, сосредотачиваясь на терпении, преодолении, дисциплине), на труд (по мысли А.С. Макаренко, детям нужен не труд-работа, а труд-забота)?

Если духовность не есть душевность (хотя через душевность проявляется), то где её источник? Трудный вопрос.

Выдающийся православный богослов митрополит Сурожский Антоний в своей статье «Что такое духовная жизнь» приводит слова святителя Феофана Затворника о том, с каким настроением надо приступать к молитве. И там называется условие, которое в контексте поставленного вопроса оказывается

принципиальным: мы должны молиться не с тем, чтобы нам было дано то, к чему мы стремимся, о чём мечтаем, а с тем, чтобы в нас совершена была воля Божия беспрепятственно, какова бы она ни была. В молитве нет места исканию тех или других чувств или мыслей, потому что искать мы можем только то, о чём мы уже имеем представление, тогда как мы должны быть открытыми ко всему, что совершит в нас Господь... Поэтому для христианской антропологии духовная жизнь вся сосредоточена не в человеке, а в Боге, в Нём имеет свой источник, Им определяется, к Нему направлена.

Интуиция этого есть и в светском сознании. Мы говорим — совесть замучила, любовь пришла — и, тем самым, не отдавая до конца себе в этом отчёта, указываем на внешний по отношению к нашему Я источник духовности. Духовность не вытекает из нашего естества, она сверхъестественна.

«Крестное средостение» духовного и социального по-иному ставит вопрос о методах воспитания.

Очевидно, что возвышающее человека воспитание влияет на процесс развития его личности ровно настолько, насколько это возможно перед лицом самодвижения человека. В таком контексте вопрос о методах воспитания оказывается весьма проблематичным, ибо метод, как определял его М. Хайдеггер, это достоверное прокладывание пути, а как же можно прокладывать путь за другого? Путь, если он *твой* путь, ты прокладываешь сам, за себя и для себя, и отсюда рождается интересное следствие: не *методы воспитания*, когда молчаливо предполагается, что то, что делает педагог, уже обязательно и воспитывает воспитанника, а *методы воспитателя*, когда никаких гарантий и прямых следствий нет, ибо перед педагогом суверенная личность, *методы воспитательной деятельности* педагога — вот о чём мы можем говорить достоверно.

Причём эта достоверность тоже весьма ограниченного свойства. Подлинный воспитатель, а не просто социальный технолог работает с личностью не только в «социальной горизонтали», но и «духовной вертикали» её бытия. Так вот, методы воспитательной деятельности достоверны, по-видимому, только для социального бытия человека, которое может быть внешне детерминировано, но не для бытия его духа, который недетерминирован, «свободен и веет, где хочет» (И.А. Ильин).

В сфере духовного даже самым изощрённым методом нельзя взять и повести другого за собой так, чтобы при этом не ограничить его свободы и, тем самым, не принизить его. И потому воспитатель может рассчитывать только на свободное следование воспитанника за ним, стремление к которому рождается (или не рождается) в результате их *встречи*.

Удивительное слово — «встреча». Оно происходит от древнеславянского «сретение». Сретение Господне — один из главных православных праздников. Митрополит Сурожский Антоний обращает наше внимание на то, что всё Евангелие — сплошная встреча, а не безличный рассказ о каком-то учении. По-сербски же «сретение» — это радость. «Встреча всегда могла бы быть радостью, если бы только мы умели встречаться».

Удивительна и феноменология встречи. Встреча, даже мимолётная, всегда событие, чётко выделяемое на бессобытийном фоне, всегда остановка, некий разрыв в повседневности. Ведь не назовёт же житель мегаполиса встречей бес-

конечное мелькание лиц в час пик? Но встреча — это событие, которое ещё и со-бытие. Если один ждёт, ищет встречи, а другой проходит мимо, то встречи не будет.

Поэтому с духовным бытием соотносимы не методы воспитания, но лично-развивающие *способы совместного бытия* педагога и детей, детей друг с другом:

в познавательной сфере — со-зерцание, со-средоточение, со-отнесение, со-поставление, со-мнение;

в эмоциональной сфере — со-участие, со-переживание, со-чувствие, со-страдание;

в поведенческо-волевой сфере — со-зидание, со-трудничество, со-действие, со-противление, со-ревнование.

Именно в области духа мы с детьми — со-трудники. Я совсем не уверен, что много обсуждаемый сейчас принцип «учиться у детей», принцип взаиморазвития взрослого и ребёнка распространяется на социальную сферу (уж слишком неравновесны субъекты), но то, что он распространяется на духовную, мне очевидно. Ибо даже самый маленький ребёнок, как тонко подмечено кем-то из философов, может научить взрослого, по крайней мере, трём вещам: радоваться без всякой причины, всегда находить себе занятие и настаивать на своём.